



ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЙ НЕЗАКЛЮЧЕННОГО И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА В РИМСКОМ ПРАВЕ

Оксана НЕЧИПОРЕНКО,

соискатель кафедры гражданско-правовых дисциплин Учебно-научного института права и психологии
Национальной академии внутренних дел

Summary

The article deals with «unconcludence» and «invalidity» of the contract as closely related in the historical context of the phenomena of legal order. The purpose of this research is to determine interrelation and interdependence of terms unconcluded an invalid contract by the reconstruction of their evolution in Roman law. Concluded that on the basis of the essence of failed (unconcluded) contracts Romans built other types of «non-existence» with the transferring to them a part of already existed in Law terminology. «Non-existence» became a generic term for unconcluded and invalid contracts. At that «invalidity» appeared to be dependent on the fact of conclusion of a treaty.

Key words: non-existent deal, unconcluded, invalid, void contract (deal).

Аннотация

В статье рассматриваются понятия «незаключенность» и «недействительность» договора как тесно связанные между собой в историческом контексте явления правового порядка. Цель исследования – выявление взаимосвязи и взаимозависимости понятий незаключенного и недействительного договора путем реконструкции их эволюции в римском праве. Сделан вывод, что на основе сути несостоявшихся (незаключенных) договоров римляне выстроили другие виды «несуществования» с переносом на них части уже имевшейся в праве терминологии. «Несуществование» стало родовым понятием для незаключенных и недействительных сделок. При этом «недействительность» оказалась зависимой от факта заключения договора.

Ключевые слова: несуществующая сделка, незаключенный, недействительный, ничтожный договор (сделка).

Постановка проблемы. Незаключенный договор как явление правового порядка все чаще привлекает к себе внимание цивилистов. Выявлению целого ряда спорных вопросов, связанных с наличием/отсутствием юридической силы сделок (договоров), способствовала установившаяся в праве тенденция к уточнению и детализации правовых категорий, в том числе недействительных сделок.

В науке гражданского права четко обозначились две противоположные позиции. Первая состоит в отождествлении ничтожной и незаключенной сделок. Вторая – основывается на идее разграничения понятий «недействительный» и «незаключенный» договор; выделении последнего как самостоятельного явления, отличного от недействительности на основании возникновения и правовых последствий. При этом обе стороны спора обосновывают свою позицию доктриной недействительности сделки, господствующей в тот или иной период времени, и действующим законодательством.

Отсутствие должного внимания к истории понятия незаключенного договора либо жесткая привязка к концепции первичного полного совпадения юридически несостоявшейся сделки с понятием ее ничтожности в римском праве не позволяет качественно про-

двинуться к разрешению научной дискуссии. Отсутствие единого научного подхода к соотношению понятий «недействительный» и «незаключенный» договор негативно отражается на качестве законодательной работы, правоприменительной практике.

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов о юридическом существовании договора. Решение этих вопросов требует глубокого осмысления природы и характера современных явлений незаключенного и недействительного договора, которое невозможно без учета логики их исторического развития.

Состояние исследования. Изучению истории становления института недействительной сделки уделялось значительное внимание юристов, в то время как к вопросам возникновения и развития понятия незаключенного договора ученые обращались крайне редко. Фундаментальными трудами по данной тематике являются монографии Д. Тузова «Концепция «несуществования» в теории юридической сделки» (2006 г.), «Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции» (2007 г.).

Научные исследования истории римского права общего характера осу-

ществляли такие признанные ученые, как Н. Боголюбов, Е. Годэмэ, Д. Дождев, Р. Иеринг, О. Иоффе, И. Новицкий, И. Покровский и другие.

Целью и задачей исследования является осуществление историко-правового анализа возникновения и развития понятий незаключенного и недействительного договора, выявление взаимосвязи и взаимозависимости путем реконструкции их эволюции в римском праве.

Изложение основного материала. При том, что обращение ученых-юристов к теме незаключенного договора в римском праве встречается редко, следует отметить популярность мнения об изначальной смысловой идентичности «незаключенности» и ничтожности сделки (договора).

Д. Тузов считает, что «понятие «несуществующей» юридической сделки, более известное отечественной цивилистике под именем несостоявшейся сделки или незаключенного договора, имеет давнюю историю – от первоначального полного совпадения с понятием ничтожности в римском праве до развития современных концепций, поставивших под сомнение это отождествление и настаивающих на автономии указанной категории» [1, с. 32].

И. Степанова считает, что «в римском праве понятие незаключенного



договора отсутствовало», но «римские юристы упоминали о договорах несуществующих. Под «несуществующими» (*negotium nullum*) понимались, прежде всего, договоры, в отношении которых не выполнялись правила о форме. Такие договоры или не обладали никаким действием, или создавали только моральные обязанности. Определенность содержания договора также рассматривалось римлянами как условие его действительности. Действительность и означала юридическое существование сделки. Таким образом, для римских юристов отсутствие эффекта сделки (*nullum esse*), ее ничтожность, было равнозначно признанию ее несуществующей» [2, с. 11].

Для дальнейшего изложения представляется важным обратить внимание на то, что понятие «незаклученный договор» сопоставляется учеными именно с ничтожной сделкой, а для характеристики внутреннего содержания этих явлений ключевым определяется слово «несуществующий». Так, ставится знак равенства между пятью терминами: незаклученность – несостоятельность – несуществование – ничтожность – недействительность, что не соответствует современному знанию.

Бессмысленно было бы отрицать, что «римлянам не было известно противопоставление «ничтожных» и «несуществующих» («незаклученных») сделок» [1, с. 52], поскольку не было в римской юриспруденции и учения о недействительности сделок, в котором бы были выработаны четкие понятия, соответствующие современным представлениям.

Более того, еще не существовало понятия самой сделки. «Выявление понятия сделки – сравнительно поздний результат научного юридического анализа. Еще римские юристы пользовались термином «*negotium*», который обычно передается словом «сделка», но не является равнозначным современному значению этого слова в юридической терминологии» [3].

По утверждению И. Новицкого, римские юристы говорили о сделках, что они могут быть *nulla* (неза-

ключенными), *nullius* (ничтожными), а также их можно *resindere* (считать недействительными), *dissolvere* (расторгнуть), *distrahere* (лишить юридической силы) [4, с. 6]. С одной стороны, такое разнообразие терминов говорит о том, что все ныне известные случаи несуществования сделки были знакомы римлянам. С другой стороны – создает определенные сложности для перевода латинских фраз. Ведь при выборе равноценной замены из числа терминов, утвердившихся в современном гражданском праве, приходится исходить из наибольшего (но не полного) соответствия оригиналу среди существовавших языковых норм в давнее время. Потому важно принимать во внимание, что переводы «неизбежно страдают приближенностью и неточностью» [5, с. 10-11].

Так, для утверждения противоположности сделки как состоявшегося, совершенного факта римлянами использовался прием отрицания. «Отрицание относится к числу тех языковых категорий, которые существуют в каждом языке с древнейших времен. В латинском языке отрицание выражается двумя способами: 1) с помощью отрицательной частицы «*non*», которая используется при глаголе в структуре предложений; 2) с помощью отрицательных местоимений или наречий (*nemo, nihil, nullus, numquam, nusquam*)» [6, с. 51].

В латинско-русском словаре Ф. Дыдынского¹ приводится несколько значений слова *nullus*: 1) никакой; 2) ничтожный, пустой, недействительный; 3) несуществующий; 4) никто. Употребление слова *nullus* в том или ином контексте наиболее точно и конкретно выражает его смысл, который может быть близким к другим значениям, но может и различаться с каждым из них. Как замечает составитель словаря, «в латинском языке мы встречаем множество случаев, где один и тот же термин обозначает различные предметы, отношения, понятия» [7]. Слово *nullus* выражает формально неопределенное понятие, которое в зависимости от особенностей конкретных правоотношений (той

ситуации, в которой оно употребляется) может указывать на различные явления и (или) их свойства.

Не бесспорным выглядит представление классической доктрины недействительности, о которой Е. Годэмэ писал следующее: «В римском праве полная ничтожность существовала всегда. При отсутствии существенного элемента римские юристы говорили, что акт – ничтожный, считается несуществующим (*nullum est negotium; nulla obligatio; nihil agitur; res pro infecta habetur*)» [8, с. 149-150]. Смысл указанных латинских словосочетаний только в очень обобщенном виде может быть сведен лишь к ничтожности акта в современном понимании. В буквальном переводе *nullum est negotium* означает, что там нет дела (сделки (договора)); *nulla obligatio* – никаких обязательств; *nihil agitur* – ничего не делается; *res pro infecta habetur* – вещи являются недействительными.

Также важно учитывать, что разница в современной интерпретации интересующих нас понятий и римской исторической традиции проявляется еще в одном аспекте.

В отличие от современных юристов, *prudentes* смотрят не на эффект, а на сам акт, что и отразилось в терминологии: «*non valere*» (не иметь силы), «*inutile*» (ничтожное), «*inane*» (пустое), «*imperfectum*» (несовершенное, недействительное), «*irritum*» (неправильное), это характеризует сделку, а не ее эффект. С другой стороны, они никогда не говорят о сделке, действительной в материальном плане, но оспоримой или обратимой в плане процессуальном, что она недействительна. *Prudentes* рассуждают о возможностях, позволяющих добиться лучшего эффекта, парализовать наступление нежелательных последствий, принимая произведенную сделкой перемену в правовом положении сторон как данность [9, с. 127].

Предикат *nullus* в применении к юридическому акту означал не его негативную характеристику, как современные предикаты «ничтожный» или «недействительный», а само несуществование акта. *Nullus* был равнозначен *non ullus*, т. е. «нет акта». Для римлян, следовательно, акт либо существовал, и в таком случае он производил свой полный эффект и не мог считаться ни-

¹ Специфика этого словаря состоит в том, что при каждом слове «указаны и важнейшие места источников, в которых оно или какая-нибудь форма или значение его встречаются, чтобы таким образом в самом исчислении различных значений имелась некоторого рода история данного термина» (Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. – Варшава, Типография К. Ковалевского, 1896 г.).



чтожным, или же не существовал, и тогда не наступало никакого эффекта [1, с. 33].

Чтобы составить полное представление о сущности какого-либо явления, зародившегося в римском гражданском праве, важно рассматривать его с учетом времени появления и развития. Сложность состоит в том, что с течением времени восстановить точную картину происшедшего, по объективным причинам, возможно далеко не всегда. Это касается и архаичного периода. «Кроме так называемых царских законов, в которых содержится очень мало постановлений по гражданскому праву, у нас нет непосредственных сведений об отдельных институтах гражданского права в царский период» [10, с. 44].

Попытки понять римское право в его исторически обусловленной конкретике будет несправедливо признать совершенно напрасными. Есть немало положительных примеров, когда исследования позволяют не только по-новому взглянуть на закономерности развития права, но и способны изменить уже сложившиеся представления.

Как известно, в Древнем Риме царил строгий формализм, когда «форма обеспечивала хрупкому для того времени содержанию договора юридическое существование» [11, с. 384].

Древнейшими обрядовыми формами считаются *mancipatio* – «действие, предметом которого было гарантирование собственности или других абсолютных прав, или *pechum*, действие, предметом которого было установление строгих долговых требований – вексельных требований древнейшего права» [12, с. 121-122]. Эти сделки совершались в присутствии как минимум пяти призванных (приглашенных) свидетелей и *libripens'a* (особого весовщика) с весами. В древнейшую эпоху, когда в качестве денег использовался металл в слитках, нужно было отвесить условленное количество этого металла, произнеся определенную формулу. Происходившее в реальности действие сторон, увиденное свидетелями собственными глазами, не могло подвергаться сомнению. Истина заключалась в том, что акт либо состоялся, либо нет. Говоря современным языком, договор заключен, либо не заключен, и потому не существует.

В случае нарушения права, полученного путем *mancipatio* либо *pechum*, роль свидетелей была решающей и состояла в помощи правообладателю отстаивать право фактически. По мнению Р. Иеринга, «призванный свидетель древнейшего времени заранее обеспечивает заинтересованной стороне свою помощь. В том случае, если сторона сама осуществляет свое право, положение и задача призванных свидетелей по необходимости совершенно иные, чем в такое время, когда судья берет на себя это осуществление... истина, которую он должен свидетельствовать, покоится на кулаках... истина – то, за что ругаются, за что стоят» [12, с. 123-124].

С введением монеты реальные и необходимые действия обрели условное, формальное значение и стали лишь ритуалом. При *pechum* «будущий кредитор брал маленькую монетку и, ударив ею по весам, передавал ее должнику вместо подлинных денег, которые вручались или несколько раньше, или несколько позже. Но делая это, кредитор, подобно покупщику при *mancipatio*, произносил известную формулу» [11, с. 385]. В древнем праве (*ius civile*) считалось, что согласие лица на сделку, если такое согласие выражено официальным методом, является подтверждением действительной воли лица заключить соглашение. Для гражданского права не было важно, что подразумевает лицо, соглашаясь на сделку, и действительно ли оно согласилось на нее. Если волеизъявление было осуществлено, этого было достаточно для того, чтобы считать, что заключение соглашения – настоящее желание стороны [13, с. 97]. Несмотря на произошедшие перемены от реальности к условности действий при заключении договора, по квинтскому праву требования к соблюдению обряда оставались святы. Торжественные обещания и символический обмен в присутствии свидетелей и представителей общественной власти практически исключали возможность заключения договора с недееспособным лицом, рабом, женщиной либо нарушающего закон.

«В древнереспубликанском праве формализмом сопровождалась не только процедура заключения, но и толкование содержания договора, его применение... сторона в случае спора не могла ссылаться на намерение вклады-

вать в договор совсем не тот смысл, который следовал из буквального смысла договора. Также нельзя было ссылаться на какие-либо обстоятельства, которые указывают на несправедливость определенного требования, если оно было предъявлено другой стороной в полном соответствии с точным текстом договора» [14, с. 186]. Сделка, совершенная под влиянием заблуждения или принуждения, была, тем не менее, ненарушима: того, что сказано, нельзя было уничтожить, хотя бы и самым ярким доказательством его несоответствия внутренней, действительной воле [11, с. 392]. Таким образом, несуществующим мог считаться только незаключенный договор, в понимании неосуществившейся попытки заключить договор по причине нарушения установленного обряда.

В передклассический период, когда происходило становление новых форм сделок и правовой науки, взгляды на существование заключенного договора как на нечто непреодолимое начали трансформироваться. Это было обусловлено изменением взглядов римлян относительно справедливости, а также существованием и взаимодействием двух нормативных систем, которые формировали римский правопорядок в целом: гражданского права (*ius civile*) и права преторского (*ius honorarium*).

Так, в случае нежелательной сделки (по неопытности) защиту могли получить лица моложе 25 лет. Как указывает Д.В. Дождев, «в данном случае можно говорить об обратимости (или оспоримости), зависимой от недееспособности субъекта». Ученый считает важным подчеркнуть, что указанное ограничение имеет преторское происхождение. В *ius civile* такой категории недееспособности не существует, сделки, заключенные лицами моложе 25 лет, являются действительными [9, с. 127].

Первоначальная невозможность отменить последствия заключенного соглашения по квинтскому праву компенсировалась с помощью преторского права. Претор (должностное лицо, наделенное административной, военной, а также судебной властью по уголовным и гражданским делам) не объявлял акт ничтожным/несуществующим, но давал потерпевшему право обращаться к нему. Ознакомившись с обстоятель-



ствами дела, он по своему усмотрению решал вопрос, заслуживает ли данное дело внимания. В его распоряжении были такие средства преторского права, как *exsertio* (экспецция) и *denegatio actionis*, целью применения которых была защита интересов потерпевшего путем блокирования практических последствий существующей по *ius civile*, формально правильной, но несправедливой сделки.

К самым радикальным последствиям приводило исключительное и экстраординарное средство защиты – *restitutio in integrum* (возвращение в первоначальное состояние). «Пользуясь своим *imperium* и руководствуясь при этом не предписаниями гражданского права, а исключительно соображениями справедливости, магистрат аннулировал эффект сделки, имевшей по *ius civile* полную юридическую силу (*valet*), превращая возникшее из нее субъективное гражданское право в *nudum ius Quiritium* (голое право. – О.Н.), следовательно, уничтожал (*rescindit, revocat* (отменить, аннулировать. – О.Н.)) саму эту сделку, и тем самым восстанавливал заинтересованное лицо в его исходном правовом состоянии» [1, с. 89]. Возвращение субъектов в прежнее правовое положение было связано с реализацией защиты стороны договора, а не с прямым следствием нарушения процедуры во время заключения сделки.

С развитием преторского права и договоров «доброй воли» было признано важным, учитывать противоречие между словами и намерением сторон. «Новая система обязательств обращает внимание на эту внутреннюю волю, признавая в ней, а не во внешнем ее выражении, истинную созидательную силу всякой сделки. Поэтому претор начинает давать возможность оспаривать сделку, заключенную под влиянием существенной ошибки, обмана, принуждения (*restitutio in integrum, exsertio* и т. д.)» [11, с. 392]. Недействительность (ничтожность) приобрела значение юридического инструмента, используемого для преобразования существующего положения, в то время как незаключенность оставалась констатацией факта. Так исторически устанавливалась ключевая взаимосвязь: недействительным может быть признан только заключенный договор.

Значимость воли окончательно утвердилась в эпоху Юстиниана. В этот период стало приниматься во внимание не только то, что было заявлено сторонами, сколько то, что ими подразумевалось [13, с. 97]. В постклассическом периоде развитие эволюционных процессов «характеризуется следующими основными моментами. Во-первых, окончательное слияние при Юстиниане *ius civile* и *ius honorarium* исключает двойственность юридического статуса сделок: если ранее они могли рассматриваться как действительные с точки зрения *ius civile*, но в то же время не иметь юридической силы по *ius honorarium*, то теперь вопрос об их действительности должен был решаться уже с позиций единой правовой системы. Во-вторых, вытеснение формулярного процесса процессом *extra ordinem*, в котором отсутствовало деление на фазы *in iure* и *in iudicio*, и отмена преторской юрисдикции сделали уже невозможной ситуацию, имевшую место в классическом праве, когда сделка считалась существующей, но заинтересованному лицу можно было воспрепятствовать добиваться в суде ее исполнения. В-третьих, *in integrum restitutio* утрачивает свою чрезвычайность и реализуется посредством обыкновенного судебного иска. В то же время экспецция утрачивает первоначальное «квазипреобразовательное» значение, действует теперь в любом процессе в качестве обычного возражения, отрицающего само основание требования истца, вследствие чего различие между порочностью *ipso iure* и порочностью *ore exsertionis* утрачивает всякое процессуальное значение и не принимается более во внимание. Наконец, в-четвертых, исчезает свобода усмотрения (*arbitrium*) правоприменителя, которой располагал претор при решении вопроса о необходимости применения реституции [1, с. 91]. Закон сам определил условия, при которых договор будет аннулирован, вместо того, чтобы передавать установление этих условий на усмотрение магистрата. Если эти условия все налицо, судья обязан объявить договор ничтожным [8, с. 149].

Таким образом, признание договора ничтожным приравнивало его к несуществующему с момента заключения. Как справедливо отмечает О. Гутников, «из идеи несуществующих договоров возникла идея ничтожных сделок, то

есть сделок, с самого начала «мертво-рожденных» и не порождающих никаких правовых последствий» [15, с. 138].

Выводы. Подводя итоги, мы приходим к заключению, что на основе сути несостоявшихся (незаключенных) договоров римляне выстроили другие виды «несуществования» в праве. При этом на новые формы частично была перенесена уже имевшаяся терминология. «Несуществование» стало объединяющим родовым понятием для незаключенных и недействительных (ничтожных) сделок. Недействительность приобрела значение юридического инструмента, используемого для преобразования существующего положения, в то время как незаключенность оставалась констатацией факта. Между двумя видами установилась прочная взаимосвязь: недействительным может быть признан только заключенный договор, поскольку незаключенного договора объективно не существует.

Полученные выводы о логике исторического развития незаключенного и недействительного договора позволят легче постичь природу и характер этих явлений в современном гражданском праве; могут быть использованы в научных разработках; способствовать усовершенствованию законодательства в договорной сфере; применяться в судебной практике.

Список использованной литературы:

1. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д.О. Тузов. – М. : Статут, 2007. – 604 с.
2. Степанова И.Е. Недействительность и незаключенность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.03 / И.Е. Степанова ; СПб. : ГУ. – СПб, 2007. – 232 с.
3. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков // Советское государство и право. – 1946. – № 3-4. – С. 41–55 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=163>. – Дата доступа: 23.12.2013.
4. Новицкий И.Б. Недействительные сделки / И.Б. Новицкий // Вопро-



сы советского гражданского права : сб. статей. – М. : Изд-во АН СССР, 1945. – С. 31–73. Цит. по: Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок / И.В. Матвеев. – М. : ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 176 с.

5. Дождев Д.В. Предисловие // Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учеб. / Чезаре Санфилиппо ; под ред. Д.В. Дождева. – М. : Издательство БЕК, 2002. – 400 с.

6. Каюмова М. С. Способы выражения категории негативности в английском языке / М.С. Каюмова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22 (203). – С. 51–53.

7. Дыдынский, Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. – Варшава : Типография К. Ковалевского. – 1896 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://roman_law_la_ru.Academic.ru/5362/nullus. – Дата доступа : 10.03.2014.

8. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ ; пер. с франц. И.Б. Новицкого. – М., 1948. – 511 с.

9. Дождев Д.В. Римское частное право : учеб. для вузов / Д.В. Дождев ; под ред. члена-корр. РАН, проф. В.С. Нерсесянца. – М. : Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1996. – 704 с.

10. Боголепов Н.П. Учебник истории римского права / Н.П. Боголепов ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – «Зерцало», 2004. – 568 с.

11. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский // Вступит. статья, переводы с лат., научн. ред. в коммент. А.Д. Рудокваса. – СПб. : Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. – 560 с.

12. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях развития. Ч. 1. / Р. Иеринг. – СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1875. – 309 с.

13. Васильева, Т.Г. Римское право: консп. лекций / Т.Г. Васильева, О.М. Пашаева. – М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. – 153 с. – (Хочу все сдать!).

14. Орач, С.М. Основы римского частного права : навч. посібник. / С.М. Орач, Б.Й. Тищик. – Львів : Ред.-вид. відділ Львів. ун-ту, 2000. – 238 с.

15. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания / О.В. Гутников. – М. : Берадор-Пресс, 2003. – 576 с.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ

Игорь ОБРИЗКО,
судья

Львовского апелляционного административного суда

Summary

The article is based on the analysis of the constitutional law, administrative, civil and commercial procedural law as well as the court practice and scholarly opinions and deals with the ways of separating the competence of the administrative courts.

Key words: administrative jurisdiction, specialization of the courts, specialization of the judicial system.

Аннотация

В статье на основании анализа конституционного, административно-процессуального, гражданско-процессуального и хозяйственного процессуального законодательства, а также материалов судебной практики и мнений ученых рассматриваются пути разграничения компетенции административных судов.

Ключевые слова: административная юрисдикция, специализация судов, специализация судебной системы.

Постановка проблемы. В связи с усложнением общественных отношений, появлением новых урегулированных правом сфер, следовательно, и степени усложнения систем судебного устройства (дифференциации подсистем специализированных судов и появления новых, дифференциации и увеличения нормативного массива соответствующего законодательства и т. п.) проблема разграничения юрисдикции судов становится все более выразительной. Ее неразрешенность способна негативно повлиять на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина.

По этому поводу известный французский ученый-административист Ж. Вигье удачно отмечал, что сейчас «гражданин все больше и больше ощущает необходимость в существовании гармонии между юрисдикциями. Любое противодействие или очевидное противоречие между двумя юрисдикциями может его озадачить и подорвать доверие к правосудию» [1, с. 39].

Цель и задача исследования. Анализируя проблему подведомственности судебных дел, Ю.В. Романец отмечает, что именно подведомственность, во-первых, является

важным процессуальным средством, обеспечивающим реализацию принципа специализации судебной системы. Каждое судебное дело должно рассматриваться тем судом, который специализируется на соответствующей категории дел и имеет возможность наиболее квалифицированно их рассматривать и решать.

Соглашаясь с этим мнением, отметим, что подведомственность судебных дел должна быть императивной, чтобы исключить возможность для недобросовестных сторон злоупотреблять своими правами и передавать спор на разрешение в «удобном» суде.

Еще один принцип, который необходимо учитывать при исследовании проблем подведомственности судебных дел, состоит в том, что ни один спор не должен рассматриваться в разных судах. Иначе из одного дела могут быть вынесены взаимоисключающие решения, что может угрожать правам физических и юридических лиц, унижать и без того в целом невысокий уровень авторитета правосудия [2, с. 5-13].

Отметим также, что отсутствие четкости в таком разграничении негативным образом и весьма существенно влияет на уровень доступности